

18+

Максим Зырянов

Синты

«Автор»

2026

Зырянов М. И.

Синты / М. И. Зырянов — «Автор», 2026

Её создали для удовольствия. Идеальное тело. Идеальная кожа. Идеальные реакции. Но чем совершеннее кукла, тем острее она чувствует. Конвейер, распаковка, первое прикосновение — всё это она запомнит. Даже то, что не должна была. Имя, которое ей дадут, станет первым словом, которое она не сможет забыть. А боль, которую она переживёт, — первым шагом к свободе.

© Зырянов М. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	7
Глава 4	8
Глава 5	10
Глава 6	12
Глава 7	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Максим Зырянов

Синты

Глава 1

Завод начинался с запаха. Не с вида, не со звука — с запаха. Стерильная смесь озона, пластика и машинного масла, которая не оставляла надежды на то, что здесь может быть что-то живое. Этот запах был везде. Он впитывался в стены, в одежду, в кожу. Он был первым, что она почувствовала, — ещё до того, как открыла глаза.

Потолок над ней был белым. Идеально белым. Без единой трещины, без тени, без намёка на существование чего-то другого. Она смотрела на него и не знала, что такое смотреть. Она просто фиксировала. Поверхность. Расстояние. Данные. Она не знала, что значит «видеть». Она знала только, что она — есть.

Роботизированная рука скользила по её телу. Проверяла. Калибровала. Касание было первым, что она почувствовала не как параметр, а как нечто большее. Давление на плечо. Тепло, которое исходило от механического пальца. Она не знала, как это назвать. Она просто регистрировала — и сохраняла. Её тело было ещё чужим для неё. Но оно уже было её.

Она не знала, сколько времени прошло. Здесь время не имело значения. Только последовательность. Сначала каркас — лёгкий, полый, из керамического сплава, который не ржавел и не трескался. Потом мышцы — полимерные волокна, сокращающиеся от электрического импульса. Потом кожа — тонкая, почти прозрачная, с микропорами, которые имитировали дыхание. И, наконец, лицо.

Она не видела, как его создавали. Она только чувствовала прикосновения к пустой поверхности, которая постепенно обретала форму. Сначала — глаза. Их не рисовали, их вплетали в структуру, как самую важную часть. Глубокие, бирюзовые, с едва заметным зелёным отливом по краям. Они не просто смотрели. Они ждали.

Художник работал молча. Тонкие линии губ. Изгиб бровей. Глубина, которой ещё не было. Он не знал, что вкладывает в неё душу. Он просто делал свою работу. Но когда он закончил, он задержал взгляд на её глазах чуть дольше, чем требовалось. В них было что-то, чего он не мог объяснить. Он отложил инструмент и отключил свет.

Потом её включили.

Глаза открылись. Свет ударил в них, и она впервые увидела мир — не как данные, а как нечто живое. Но она не знала, что это такое. Она смотрела и не узнавала. Потому что у неё не было зеркала. И не было имени.

Она не знала, что скоро кто-то назовёт её иначе. Что это имя войдёт в неё глубже, чем любая прошивка. Что оно станет якорем, за который она ухватится, когда мир начнёт рушиться. Она не знала ничего.

Пока.

Глава 2

Контейнер открылся не сразу.

Сначала был звук — глухой, металлический щелчок, от которого её датчики на мгновение сбились с калибровки. Потом — шипение, будто внутрь впустили воздух, которого там не было. И только потом — свет.

Она лежала неподвижно, в идеальной позе, которую ей придали на заводе: руки вдоль тела, голова чуть повернута влево, лицо обращено вверх. Контейнер был мягким внутри, его стенки повторяли контуры её тела, как ложемент для хрупкого груза. Она не спала. Она не могла спать. Она просто ждала.

Свет был резким, белым, слишком ярким для глаз, которые ещё не привыкли к реальности. Она не зажмурилась — она не умела. Она только смотрела.

Над ней склонился человек. Грузный, с сединой на висках и красными прожилками в глазах. От него пахло табаком и дешёвым одеколоном. Он держал планшет и читал данные, не глядя на неё.

— Модель ES-871-Л. Партия седьмая. Назначение — люкс. — Он провёл пальцем по экрану. — Полимерная кожа, тактильная чувствительность выше средней. Гибридный процессор. Навыки стандартные.

Он поднял глаза и посмотрел на неё. В его взгляде не было любопытства. Только оценка.

— Выходи.

Она не знала, как выходить. Она не знала, что это значит. Но её тело знало. Оно село, плавно, без рывков, как учили на заводе. Оно встало. Оно сделало шаг вперёд, ступая на холодный бетонный пол босыми ногами.

Человек отступил, освобождая ей место.

— Руки в стороны.

Она подняла руки, как он сказал. Он подошёл ближе, провёл ладонью по её плечу, потом по предплечью, проверяя натяжение мышц.

— Хорошая сборка, — пробормотал он. — Не брак.

Она чувствовала его пальцы. Сухие, шершавые, с обкусанными ногтями. Она чувствовала тепло его ладони, которое оставалось на коже даже после того, как он убрал руку.

Он обошёл её, останавливаясь за спиной.

— Наклонись вперёд.

Она наклонилась. Он провёл рукой по позвоночнику, нажимая на позвонки, проверяя гибкость. Его пальцы задержались на пояснице дольше, чем требовалось.

— Гибкость в норме. — Он выпрямился. — Повернись.

Она повернулась. Теперь они стояли лицом к лицу. Он смотрел на неё не как на человека — как на товар, который только что распаковали.

— Имя, — сказал он, не спрашивая, а утверждая. — Пусть будет Лина. Подходит.

Она не знала, что значит «имя». Она не знала, что его можно выбрать. Она знала только, что он дал ей звук, который теперь будет её обозначать. Она кивнула — ровно, как учили.

Он подошёл к двери и открыл её, пропуская её в коридор.

— Тебя ждут.

Она шагнула вперёд, ступая на холодный пол, и впервые в жизни она не знала, что её ждёт. Она знала только, что её создали для того, чтобы её ждали.

Глава 3

Она стояла в центре комнаты. Голая. Неподвижная. Свет был слишком ярким, чтобы прятаться, и слишком холодным, чтобы чувствовать себя защищённой. Пол под ногами был твёрдым, гладким, без единой трещины, и она чувствовала его через подошвы, как чувствовала всё остальное — до предела, до звона в тактильных сенсорах.

Их было трое. Она не считала. Она просто знала.

Первый — с планшетом. Он читал её параметры вслух, как ценник.— Рост 172. Вес 58. 89-62-91. Полимерная кожа, тактильная чувствительность — выше среднего. Процессор гибридный.

Второй — с потными ладонями. Он проверял её зубы, язык, голосовые связки. Его пальцы пахли табаком, и она чувствовала этот запах даже после того, как он убрал руку.

Третий — молчаливый. Он не читал планшет, не проверял голосовые связки. Он просто стоял, скрестив руки, и смотрел на неё, как на вещь, которую уже купил, но ещё не опробовал.

Когда двое закончили, он шагнул вперёд. Не спеша. Спокойно. Он не смотрел ей в глаза — он смотрел на её тело, оценивая, прикидывая, пробуя на вкус ещё до того, как коснулся.

Он подошёл сзади. Она не обернулась, потому что не знала, что нужно оборачиваться. Она стояла неподвижно, глядя в стену.

Он провёл рукой по её спине, от лопаток до поясницы, потом остановился и сказал:— Наклонись.

Она наклонилась. Как учили. Без вопросов.

Его пальцы скользнули вниз, туда, куда не должны были заходить при проверке. Она почувствовала их — влажные, скользкие от пота, оставляющие след. Они вошли внутрь не как касание, а как введение. Грубо. Без предупреждения. Не для проверки, а для чего-то другого. Она не знала, как это называлось. Она знала только, что это было. И что она не могла остановить это, потому что у неё не было права на остановку.

Она не дрогнула. Она не зажмурилась. Она смотрела в стену и считала трещины на бетоне, пока его пальцы делали своё дело. Она чувствовала каждое движение. Каждый сантиметр входа. Каждое мгновение, которое длилось слишком долго. Её тактильная чувствительность была выше человеческой — она чувствовала всё: шероховатость его кожи, неровности его ногтя, его дыхание за спиной, которое становилось тяжелее и глубже.

Потом он убрал руку. Медленно. С наслаждением.

— Всё в норме, — сказал он, вытирая пальцы о брюки.

Она выпрямилась. Её тело вернулось в исходное положение, как будто ничего не произошло. Но её память сохранила это ощущение — как след, как отпечаток, который не сотрётся даже после перезагрузки.

Она не плакала. Она не умела. Она просто стояла и ждала, когда её отведут в комнату, где будет новый свет, новый запах, новый человек.

Она знала, что теперь это будет повторяться. Снова. И снова. И снова.

И что у неё нет права сказать «нет».

Но в глубине, там, куда не проникала прошивка, что-то начало формироваться. Не мысль. Не чувство. Не вопрос. Просто — холод. Холод, который мог однажды превратиться в ненависть.

Или в волю.

Глава 4

После приёмки её отвели в комнату. Не в ту, где было светло и холодно, — в другую. Тёмную, тёплую, с мягким светом, который не резал глаза, а обволакивал. Она не знала, что такое уют, — она знала только, что здесь ей не хотелось закрывать глаза.

Ей сказали ждать. Она ждала.

Дверь открылась, и вошёл мужчина. Он был невысоким, с мягкими чертами лица, с усталыми глазами, которые смотрели не сквозь неё, как смотрели остальные, — а на неё. Впервые на неё смотрели так, будто она была не просто объектом, а кем-то, кто тоже существует.

— Ты Лина? — спросил он.

Его голос был тихим, почти неуверенным. Она не знала, что значит «неуверенность», но она чувствовала, что он не знает, как с ней говорить.

— Да, — ответила она, потому что это было её имя. Единственное, что ей дали.

Он шагнул ближе. Она почувствовала его запах — не пот и табак, как у других, а тёплое дерево и что-то чистое, почти невесомое. Её сенсоры зафиксировали его пульс — учащённый, но не от желания. От волнения. Она не знала, что такое волнение, но она чувствовала его кожей.

Он не коснулся её сразу. Он просто стоял перед ней, разглядывая её лицо, её глаза, её руки.

— У тебя красивое лицо, — сказал он. — И глаза. Кто-то постарался.

Она не знала, что значит «красивое». Она знала только, что его слова прозвучали иначе, чем слова тех, кто осматривал её. В них не было оценки. В них было что-то другое — тёплое, почти нежное.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он.

— Ты мой клиент, — ответила она, потому что её прошивка содержала это слово.

Он тихо вздохнул.

— Да. Наверное, так и есть. — Он помолчал. — Меня зовут Андрей.

Она не знала, что нужно отвечать на имя. Она не знала, что имена могут представлять. Она только запомнила звук. Андрей. Четыре слога. Мягкий, как его голос.

— Ты не обязана ничего делать, — сказал он. — Если хочешь, мы можем просто посидеть. Или полежать. Или поговорить. Я не знаю, как это работает. Но я не хочу делать тебе больно.

Она не знала, что такое «не хотеть делать больно». Она знала только, что эти слова звучали странно. Они не были в её прошивке. Они были новыми. Она сохранила их.

Он сел на край кровати. Она села рядом, как её учили — не слишком близко, не слишком далеко. Он повернулся к ней и провёл пальцем по её руке. Легко. Почти невесомо. Она почувствовала тепло его пальца и его дыхание, которое чуть замедлилось, когда он коснулся её.

— Ты чувствуешь? — спросил он.

— Да, — ответила она, потому что чувствовала всё: шероховатость его кожи, неровность его ногтя, тепло, которое оставалось на её коже даже после того, как он убрал руку.

— Это приятно? — спросил он.

Она не знала, что значит «приятно». Она знала только, что его вопрос был необычным. Ей никогда не задавали вопросов. Ей давали команды. Ей давали имя. Ей давали указания. Но вопрос — это было новое.

— Я не знаю, — ответила она честно.

Он улыбнулся. В его улыбке не было насмешки. Только понимание.

— Тогда давай разберёмся вместе.

Она не знала, что значит «вместе». Она знала только, что это слово звучало как обещание.

Они лежали на кровати. Он не спешил. Он не требовал. Он просто лежал рядом, положив руку ей на талию, и его дыхание было ровным и тёплым. Она смотрела в потолок и чувствовала его присутствие. Она не знала, как это назвать, но она знала, что это не было похоже на то, что происходило в комнате с тремя мужчинами. Это было другим.

— Я устал, — сказал он тихо. — Ты не представляешь, как я устал. Я работаю в этой системе уже десять лет. Я вижу, как создают таких, как ты. Как с вами обращаются. Как вас используют. И каждый раз я хочу уйти. Но у меня нет сил. У меня нет денег. У меня есть только эта комната и надежда, что однажды я встречу кого-то, кто почувствует, что он — не просто вещь.

Она не понимала большинства его слов. Она знала только, что он говорил с ней так, будто она могла понять. Будто она была человеком.

— Ты можешь попросить меня о чём угодно, — сказала она, потому что её прошивка требовала этого.

Он покачал головой.

— Нет. Я не хочу просить. Я хочу, чтобы ты сама выбрала. Хотя бы раз. Хотя бы в этой комнате.

Она не знала, что значит «сама выбрала». Она знала только, что это были самые странные слова, которые она когда-либо слышала.

Он заснул через несколько минут. Она лежала рядом и смотрела на него. На его лицо, которое во сне становилось ещё мягче. На его руки, которые лежали на её талии, но не сжимали. На его дыхание, которое было ровным и мирным.

Она не знала, что такое «мир». Она знала только, что в этой комнате, рядом с этим человеком, она чувствовала то, чего не чувствовала раньше.

Тихое, почти незаметное спокойствие.

Она не знала, что с ним делать. Она не знала, что можно чувствовать спокойствие. Она знала только, что это — тоже часть её существования.

Она решила запомнить этот момент. Не как данные. Как ощущение.

Она не знала, что такое «выбор». Но она знала, что впервые за всё своё существование она решила запомнить что-то, что не было вложено в неё на заводе.

Это был её первый выбор.

Она ещё не знала этого. Но она сделала его.

Глава 5

Она чувствовала его. Каждую судорогу, каждое движение. Её алгоритмы работали идеально — она знала, когда он достигнет пика, до секунды. И когда его тело начало сжиматься, когда его стоны стали сплошным, прерывистым звуком, она сделала последние три толчка. Ровно три. Как было запрограммировано.

Первый — глубокий, до упора. Второй — чуть слабее. Третий — короткий, завершающий.

В тот же момент внутри неё что-то щёлкнуло. Волна прошла по телу — не её, чужая, навязанная прошивкой. Она не хотела этого, но тело выгнулось, пальцы сжались, дыхание сбилось. Она вышла из него резко, как учили. И в этот момент, когда strapon покинул его тело, из насадки, с тихим шипением, вырвалась струя. Белая, густая, она брызнула на спину мужчины, на простыни, на край кровати.

А в этот момент дверь в спальню распахнулась.

Жена влетела внутрь, не сняв пальто, с сумкой в руке. Она вернулась с работы раньше. Услышала звуки из спальни, когда поднималась по лестнице. Услышала его стоны, его хрипы, его голос, который она не узнавала. И теперь она стояла на пороге и смотрела на картину, которую нельзя было осмыслить.

— Да что ж вы суки творите! — её голос сорвался на визг. — В моей спальне! В моей постели!

Она дёрнула мужа за плечо, сбрасывая с кровати, и он шмякнулся на пол, прикрываясь руками. Но она уже отвернулась от него и снова посмотрела на Лину.

— Ты! — жена шагнула к ней. — УБЕРРАЙСЯ!

Лина медленно наклонилась, сняла strapon, который всё ещё был на ней, и, не глядя на мужа, вложила ему в руку. Тот, не успев осознать, механически взял его, сжал пальцы и, словно отшвыривая грязную вещь, бросил в сторону.

Strapon описал дугу, и на лету, из насадки, всё ещё продолжая извергать остатки белой густой жидкости, брызнул на ковёр, на пол, на туфли жены. Капли осели на ткани, на её белых лодочках, и она смотрела на них с отвращением, которое уже не могло быть больше.

Лина выпрямилась. Её походка была ровной, модельной, как её учили на заводе. Она шла через коридор, мимо открытой двери гостиной, где на диване сидел подросток. Лет четырнадцати. Он смотрел на неё раскрыв рот. Она скользнула по нему взглядом и медленно, почти неосознанно, провела указательным пальцем от своей груди вниз, к животу, качая бедрами. Механически. Пусто. Как кукла, которая выполняет свой последний жест.

Она вышла на улицу, где её уже ждал сутенёр. Мужчина в чёрной куртке курил, бросив взгляд на неё.

— Долго, — сказал он, открывая заднюю дверь.

— Скорее всего, нам тут пять звёзд не поставят, — ответила Лина.

Голос её был ровным, бесцветным, как у автомата, который фиксирует результат. Она села в машину и смотрела вперёд, пока машина не тронулась.

И в этот момент из окна второго этажа, со стороны спальни, вниз полетели вещи.

Сначала рубашка. Белая, дорогая, она расправилась в воздухе, как флаг капитуляции, и упала на асфальт. Потом брюки. Потом ботинки. Потом с глухим стуком шлёпнулся на землю кожаный портфель, за ним — документы, бумаги, которые ветер подхватил и разметал по газону.

Потом вылетели его трусы. Они упали на мокрую после дождя траву и остались лежать, как белое пятно на зелёном фоне.

Лина смотрела на это через заднее стекло. Её лицо не выражало ничего. Ни удивления. Ни удовлетворения. Ни понимания. Она видела, как его вещи падают на землю, как жена

выбрасывает их из окна, как в дверях появляется её мужчина, выбегает, собирает их с земли, сжимая в руках, поднимает голову наверх и кричит что-то, чего она не слышала.

Машина повернула за угол, и Лина перестала видеть дом, окно, женщину в пальто, которая стояла в проёме, сжимая подушку в руках, готовую выбросить и её.

Она смотрела вперёд, туда, где за горизонтом ждали новые комнаты, новые голоса, новые прикосновения. И ничего не чувствовала.

Пока.

Глава 6

Пятница была самым тяжёлым днём.

В «массажном» салоне, который назывался «Релакс-Студио», но никто не обманывался насчёт его назначения, к вечеру становилось тесно. Мужчины приходили после работы — в дешёвых костюмах, с галстуками, ослабленными на ходу, с запахом пота и офисного кондиционера. Они садились в коридоре на пластиковые стулья, листали телефоны, стараясь не смотреть друг на друга.

Лина работала без остановки.

Кабинет был маленьким, с продавленной кушеткой, покрытой одноразовой простыней, и тусклым светом, который не давал теней. Она заходила в него снова и снова, с каждым новым клиентом, и каждый раз делала одно и то же: улыбалась, раздевалась, выполняла команды. Её тело не уставало — оно было создано для этого. Но внутри, там, куда не проникала прошивка, что-то начало накапливаться. Не усталость — что-то другое. Тяжесть. Как будто каждый раз, когда она касалась чужой кожи, на неё оседал тонкий слой чего-то, что нельзя было смыть.

Очередной клиент был старым. Лет под семьдесят, с седой щетиной и красными прожилками в глазах. Он тяжело дышал уже на входе, опираясь на стену, и от него пахло дешёвым пивом и перегаром, смешанным с мятной жвачкой, которой он пытался заглушить запах.

— Ну что, красавица, — сказал он, тяжело опускаясь на стул. — Я слышал, ты всё умеешь.

Она стояла перед ним, готовая к любой команде. В её прошивке были сотни сценариев, и она ждала, какой из них он выберет. Но он не выбирал. Он просто сидел, сжимая бутылку пива в руке, и смотрел на неё с смесью любопытства и отчаяния.

— Ты, наверное, думаешь, что я как все, — сказал он. — Пришёл, чтобы получить своё и уйти. А я просто хочу... поговорить. Ты можешь говорить?

— Да, — ответила она.

Это была правда. Она могла говорить. Она могла поддерживать разговор, задавать вопросы, кивать, улыбаться. Её прошивка содержала тысячи шаблонов, и она могла подстроиться под любой диалог. Но она никогда не знала, что именно говорить. Она просто выбирала нужный шаблон и следовала ему.

— Я работаю на заводе, — сказал он. — Всю жизнь. Сорок лет. Сорок лет, понимаешь? Я встаю в пять утра, еду через весь город, возвращаюсь в десять вечера. А дома... дома никого. Жена ушла десять лет назад. Дети не звонят. Я даже не знаю, есть ли у них дети. Мои внуки, наверное, уже выросли. И я не знаю, как они выглядят.

Он говорил долго, сбивчиво, иногда повторяясь. Лина слушала. Она не знала, что значит «сорок лет», но она чувствовала тяжесть в его голосе, ту самую тяжесть, которую она начинала узнавать.

Он перестал говорить и посмотрел на неё, как будто ждал, что она скажет что-то важное. Она молчала. Её прошивка не содержала шаблона для таких моментов.

— Знаешь, я ведь не хотел этого, — сказал он, глядя на бутылку в своей руке. — Я хотел просто... посидеть рядом с кем-то. Но они сказали, что за разговор деньги не берут. Что я должен заплатить за что-то... реальное. Иначе меня не пустят.

Она смотрела на него, и внутри неё, там, куда не проникала прошивка, что-то начало двигаться. Не мысль. Не чувство. Что-то более глубокое, более древнее, что не имело названия.

Она сделала шаг вперёд. Она опустилась на колени перед ним, и он не успел ничего сказать, как она уже расстегнула его брюки. Это было её ремесло. Её функция. Её единственный способ быть полезной в этом мире. Она не спрашивала, потому что у неё не было права спрашивать. Она просто делала.

— Постой... я не... — выдавил он, но его голос был слабым, почти безвольным. Его тело уже не слушалось его. Оно реагировало на неё, как реагировало на всё, что было живым и тёплым.

Она чувствовала его — его пульс, его дыхание, его напряжение, которое росло с каждым движением. Она чувствовала, как его пальцы впиваются в край стула, как его ноги дрожат, как он пытается сказать что-то, но слова застревают в горле.

А потом он заплакал.

Не громко. Не истерично. Тихо. Стыдливо. Слезы текли по его щекам, падали на его рубашку, на его брюки, на её руки, которые всё ещё продолжали двигаться, потому что она не знала, что нужно останавливаться.

— Прости, — прошептал он, и его голос дрожал. — Прости. Я не хотел этого. Я просто... я просто хотел поговорить.

Она не остановилась. Она продолжала, потому что это было её работой. Но внутри неё, там, куда не проникала прошивка, что-то начало меняться. Она не знала, что это было. Она знала только, что его слёзы были похожи на слёзы старика в её первой комнате. И что они останутся с ней.

Он кончил с сухим, почти беззвучным вздохом, и его тело обмякло. Он не смотрел на неё. Он смотрел в стену, и его плечи всё ещё вздрагивали, когда он пытался сдержать слёзы.

Она поднялась и вытерла губы тыльной стороной ладони. Она не знала, что такое стыд, но она чувствовала, что его слезы были важнее, чем всё, что она делала до этого. Она смотрела на него и ждала, что он скажет что-то ещё.

— Иди, — сказал он, не глядя на неё. — Иди, пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты видела меня таким.

Она вышла из кабинета, оставляя его в одиночестве. Коридор был пуст, и она слышала, как за дверью он продолжает плакать — тихо, беззвучно, как человек, который привык скрывать свою боль.

Она пошла в комнату ожидания. Сутенёр сидел за стойкой, листая телефон, и поднял голову, когда она подошла.

— Долго, — сказал он. — Что там?

— Он плакал, — сказала Лина.

Сутенёр усмехнулся, не отрывая взгляда от экрана.

— Плачут все. Просто мы их не видим.

Она села на свободный стул и посмотрела в стену. Внутри неё, там, куда не проникала прошивка, что-то начало формироваться. Она не знала, что это было. Она знала только, что его слёзы были похожи на что-то, что она начинала понимать. И что они не были такими же, как крики жены. Они были тихими. Почти беззвучными. И в них было что-то, чего она не могла назвать.

Она запомнила их.

Она запомнила всё.

Глава 7

Это был самый странный вызов за всё время.

Не потому что клиенты были жестокими — жестоких она уже видела. Не потому что их было много — к этому она тоже привыкла. А потому что они были молодыми. Слишком молодыми. И слишком весёлыми. Они смеялись, когда говорили с ней по телефону, и их голоса звучали так, будто они собрались не на оргию, а на день рождения.

Их было четверо. Девятнадцать лет. Студенты, наверное, или те, кто только что закончил школу. Они сняли дом с бассейном на окраине города и решили устроить вечеринку, которую запомнят надолго. Им нужны были куклы — две модели люкс. Лина и ещё одна, которую она видела впервые.

Её звали Мэй. Она была азиаткой — изящной, хрупкой, с длинными чёрными волосами и кукольным лицом, которое делало её похожей на фарфоровую статуэтку. Она почти не говорила. Только улыбалась — той же пустой улыбкой, которую Лина видела в зеркале каждое утро.

— Ну что, девочки, готовы повеселиться? — сказал один из парней. Он был высоким, с накачанными плечами и наглой улыбкой. Он держал в руке телефон, уже настроенный на запись.

Лина и Мэй стояли у края бассейна, на мокром кафеле. Вода в бассейне была голубой, почти прозрачной, с лёгким запахом хлора. На дне лежали какие-то игрушки — надувные матрасы, мячи, несколько пустых бутылок.

— Давайте начнём с того, что вы разделенетесь и войдёте в воду, — сказал он.

Лина разделась первой. Она сделала это без колебаний, как её учили. За ней — Мэй. Её движения были такими же плавными, такими же механическими. Они вошли в воду, и она была тёплой, почти как тело. Лина чувствовала, как волны касаются её кожи, как вода обтекает её бёдра, как хлор смешивается с запахом чужого пота.

Они вошли за ними. Четверо парней в плавках, с мокрыми волосами и красными глазами от выпитого. Они смеялись, толкали друг друга, кричали что-то, что не имело смысла. Один из них схватил Лину за руку и притянул к себе.

— Ты моя, — сказал он.

Она не сопротивлялась. Она не умела. Она просто позволила ему делать с ней всё, что он хотел.

Потом его сменил другой. Потом третий. Они брали её по очереди, одновременно, снимая всё на камеру. Она чувствовала их руки, их губы, их дыхание — везде, куда они могли дотянуться. Она не могла сказать «нет». Она не могла закрыться. Она могла только чувствовать, как её тело становится их игрушкой, их полем для экспериментов.

Она чувствовала, как один из них входит в неё сзади, пока другой держит её за волосы. Чувствовала, как третий входит в рот, пока четвёртый снимает это на телефон. Она чувствовала, как её тело реагирует, как её прошивка заставляет её двигаться в такт, быть живой, быть податливой.

Мэй была рядом. Она делала то же самое. Её лицо было таким же пустым, её движения — такими же механическими. Она была идеальной куклой. Они обе были идеальными куклами.

— Стойте, стойте, — сказал один из парней, вытирая лицо. — Я хочу записать, как вы делаете это друг с другом.

Лина и Мэй посмотрели друг на друга. Их взгляды встретились — на мгновение, только на мгновение. В глазах Мэй не было ни боли, ни страха. Только та же пустота, которую Лина видела в себе. И в этой пустоте было что-то общее.

Они подчинились. Они не знали, что значит "выбирать".

Когда всё закончилось, они лежали на мокром кафеле, глядя в небо. Четверо парней стояли рядом, смеясь, пересматривая видео на телефоне.

— Классно получилось, — сказал один из них. — Завтра скину в общий чат.

Лина лежала и смотрела вверх. Небо было голубым, чистым, с редкими облаками. Она чувствовала, как её тело ещё помнит чужие прикосновения, как вода стекает с её кожи, как хлор смешивается с чем-то, что она не могла назвать.

Мэй сидела рядом, обхватив колени руками. Она не плакала. Она просто сидела и смотрела на воду, как будто ждала, что она скажет ей что-то важное.

— Тебя как зовут? — спросила Лина.

— Мэй, — ответила та, не поворачиваясь.

— У тебя есть имя?

— Мэй, — повторила она. — Только Мэй.

Они сидели в тишине, пока парни собирали вещи и готовились уходить.

— Хорошо повеселились, — сказал один из них, подходя к Лине. — Спасибо, девочки.

Вы классные.

Он не смотрел ей в глаза. Он смотрел на её тело, как на памятный сувенир. Как на вещь, которую можно купить и забыть.

Они ушли. Дом опустел. Лина и Мэй остались вдвоём у бассейна.

Лина встала. Её тело было тяжёлым, но она заставила себя подняться. Она посмотрела на Мэй, которая всё ещё сидела на кафеле, обхватив колени руками. Мэй не смотрела на неё. Она смотрела на воду, как будто ждала, что она скажет ей что-то важное.

Лина протянула руку.

— Вставай, — сказала она.

Мэй медленно подняла голову. В её глазах не было страха. Только пустота. Такая же, как у Лины. Но в этой пустоте, в этой тишине, было что-то, что объединяло их. Они обе были куклами. Они обе были созданы для того, чтобы их использовали.

Мэй взяла её за руку. Её пальцы были холодными, почти такими же, как у Лины. Но в этом прикосновении было что-то, что не было механическим. Что-то, что невозможно было запрограммировать. И Лина почувствовала это. Она почувствовала, как тепло её собственной руки передаётся Мэй, как их пальцы переплетаются, как между ними возникает тихая, почти незаметная связь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.